

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Рассказ об Ибрахиме и Джамиле

Рассказывают также, о счастливый царь, что у аль-Хасыба, правителя Египта, рос сын, лучше которого не бывало, и от страха за него аль-Хасыб позволял ему выходить только на пятничную молитву. И он проезжал, после окончания пятничной молитвы, мимо одного старого человека, у которого было много книг. И, сойдя со своего коня, мальчик сел подле старца, и стал ворочать книги и разглядывать их, и увидел в одной из них изображение женщины, лучше которой не было видано на лице земли и которое только лишь не говорило. И эта женщина похитила разум мальчика и ошеломила его ум, и он сказал старцу: "О старец, продай мне это изображение!" И старец поцеловал перед ним землю и сказал: "О господин мой – бесплатно". И юноша дал ему сто динаров и взял книгу, в которой бло это изображение. И он стал смотреть на него, и плакал ночью и днем, и отказался от еды, питья и сна, и говорил в душе: "О, если бы я спросил книжника про творца этого изображения – кто он такой? Он, может быть, рассказал мне, и если бы обладательница этого облика была в живых, я бы добрался до нее. А если это простая картинка, я бы оставил увлечение ею и не мучил бы себя вещью, у которой нет истинной сущности..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот пятьдесят третья ночь

Когда же настала девятьсот пятьдесят третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша говорил в душе: "Если бы я спросил книжника, кто творец этого изображения, он, может быть, мне рассказал, и если это простая картинка, я бы оставил увлечение ею и не мучил бы себя вещью, у которой нет истинной сущности".

И когда настал день пятницы, юноша прошел мимо книжника, и тот поднялся перед ним на ноги, и юноша сказал: "О дядюшка, расскажи мне, кто сделал это изображение?" И книжник ответил: "О господин мой, его сделал человек из жителей Багдада по имени Абу-льКасим ас-Сандалани, живущий в квартале, называемом аль-Карх, и я не знаю, чье это изображение".

И юноша ушел от него и не осведомил о своем положении никого из жителей царства, и не совершил пятничную молитву и вернулся домой, а потом он взял мешок и наполнил его драгоценными камнями и золотом (а цена камней была тридцать тысяч динаров) и, дождавшись утра, вышел, не уведомляя никого. И он настиг караван, и увидел одного бедуина, и сказал ему: "О дядюшка, сколько между мной и Багдадом?" И бедуин ответил: "О дитя мое, где ты, а где Багдад? Между тобой и Багдадом два месяца пути". – "О дядюшка, – сказал мальчик, – если ты доставишь меня в Багдад, я дам тебе сто динаров и коня, который подо мной, и ему цена тысяча динаров". "Аллах в том, что мы говорим, поручитель! – воскликнул бедуин, – и ты остановишься этой ночью только у меня!"

И юноша согласился с его словами и переночевал у него, а когда заблистала заря, бедуин взял его и быстро поехал с ним по ближней дороге, желая получить коня, которого обещал ему юноша. И они шли до тех пор, пока не достигли стен Багдада.

"Хвала Аллаху за благополучие, о господин мой, вот Багдад", – сказал бедуин. И юноша обрадовался сильной радостью, и, сойдя с коня, отдал его бедуину, вместе с сотней динаров, а затем он взял мешок и пошел, спрашивая, где квартал аль-Карх и где место купцов. И судьба привела его к улице, где было десять домиков – пять напротив пяти, и в начале улицы были ворота с двумя створами и с серебряным кольцом, а в воротах стояли две мраморные скамьи, устланные наилучшими коврами, и на одной из них сидел человек, почтенный и прекрасный видом и одетый в роскошные одежды, и перед ним стояли пять невольников, подобные луне. И когда юноша увидел это, он узнал приметы, о которых упоминал ему книжник, и приветствовал этого человека, и тот возвратил ему приветствие и сказал: "Добро пожаловать!" И посадил его, и стал спрашивать, каковы его обстоятельства. И юноша сказал: "Я человек иноземный и хочу, чтобы ты по своей милости присмотрел мне на этой улице дом, и я бы жил в нем".

И человек закричал и сказал: "Эй, Газала!" И к нему вышла невольница и сказала: "Я здесь, о господин!" И человек молвил: "Возьми с собой несколько слуг и ступай в такой-то дом. Почистите его и устелите коврами и поставьте туда все, что нужно из посуды и прочего для этого юноши, красивого видом".

И девушка вышла и сделала так, как ей приказал этот человек, а старец взял юношу и показал ему дом, и юноша сказал: "О господин, какова плата за этот дом?" – "О ясноликий, – ответил старец, – я не возьму с тебя платы, пока ты будешь в нем". И юноша поблагодарил его за это.

А затем старец позвал другую невольницу, и вышла девушка, и старец сказал ей: "Подай шахматы". И девушка принесла их, и старец сказал юноше: "Сыграешь ты со мной?" – "Хорошо", – сказал юноша. И старик сыграл с ним несколько раз, и юноша его обыгрывал. "Ты отличился, о юноша, – сказал старец, – и твои свойства совершенны. Клянусь Аллахом, нет в Багдаде того, кто меня обыгрывает, а ты меня обыграл".

А затем, после того как приготовили дом и положили в нем ковры и все, что нужно, старец отдал юноше ключи и сказал: "О господин, не войдешь ли ты в мой дом и не поешь ля моего хлеба? Ты окажешь нам почет". И юноша согласился на это и пошел со старцем, и когда они достигли дома, юноша увидел красивый и прекрасный дом, украшенный золотом, и там были всякие изображения, и были в этом доме разные ковры и вещи, для описания которых слаб язык. И старец пожелал юноше долгой жизни и велел принести еду, и принесли столик, сделанный в Сана йеменской, и поставили его, и потом принесли кушанье – дико" винные блюда, роскошнее и слаще которых не найти.

И юноша ел, пока не насытился, и затем он вымыл руки и стал разглядывать дом и ковры, а потом он обернулся, ища мешок, который был с ним, и не увидел его и воскликнул: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха высокого, великого!" Я съел кусочек, стоящий дирхем или два дирхема, и пропал у меня мешок, в котором было тридцать тысяч динаров! Но я прошу помощи у Аллаха". И потом он умолк и не мог говорить..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот пятьдесят четвертая ночь

Когда же настала девятьсот пятьдесят четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда юноша увидал, что мешок пропал, его охватила великая забота, и он умолк и не мог говорить. И старец придвинул шахматы и спросил юношу: "Сыграешь ли ты со мной?" И тот сказал: "Да". И стал играть, и старец обыграл его. "Ты отличился", сказал юноша и бросил играть и встал, и старец спросил его: "Что с тобой, о юноша?" И юноша оказал: "Я хочу мешок". И тогда старец поднялся, и вынул мешок, и сказал: "Вот он, о господин мой! Не вернешься ли ты к игре со мной?" – "Хорошо", – сказал юноша.

И старец стал с ним играть, и юноша обыграл его, и тогда этот человек воскликнул: "Когда твои мысли были заняты мешком, я тебя обыграл, но когда я принес его тебе, ты обыграл меня. О дитя мое, – сказал он ему потом, – расскажи мне, из какой ты страны". – "Из Египта", – ответил юноша. И старец спросил: "А какова причина твоего прибытия в Багдад?"

И юноша вынул изображение и сказал: "Знай, о дядюшка, что я сын аль-Хасыба, правителя Египта, и я увидел это изображение у одного книжника, и оно похитило мой разум. И я спросил, кто его сделал, и мне сказали: "Его сделал человек в квартале аль-Карх по имени Абу-ль-Касим ас-Сандалани на улице, называемой улица Шафрана". И я взял с собой немного денег и пришел один, и никто не знает о моем состоянии. И я хочу, чтобы, в довершение твоей милости, ты указал мне на него, и я бы спросил его, почему он нарисовал этот образ и чей это образ. И чего бы он ни захотел от меня, я ему дам". – "Клянусь Аллахом, о сын мой, – сказал старец, – это я Абу-ль-Касим ас-

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Сандалани. И это удивительное дело, как судьбы привели тебя ко мне!"

И юноша, услышав слова Абу-ль-Касима, поднялся, и обнял его, и поцеловал ему голову и руки, и воскликнул: "Заклинаю тебя Аллахом, Расскажи мне, чей это образ!" И старец ответил: "Слушаю и повинуюсь!" И затем он поднялся, и, открыв чулан, вынул оттуда множество книг, в которых он нарисовал этот образ, и сказал: "Знай, о дитя мое, что обладательница этого образа – дочь моего дяди. Она находится в Басре, и ее отец – правитель Басры, по имени Абу-ль-Лейс, а ее зовут Джамила, и нет на лице земли прекраснее ее. Но она не охоча до мужчин и не может слышать упоминания о мужчине в своих покоях. Я пошел к моему дяде, чтобы он женил меня на ней, и не пожалел для него денег, но он не согласился на это. И когда его дочь об этом узнала, она разгневалась и послала мне разные слова и, между прочим, сказала: "Если у тебя есть разум, не оставайся в этом городе, а иначе ты погибнешь, и грех будет на твоей же шее". Она – жестокосердая из жестокосердых. И я вышел из Басры с разбитым сердцем, и сделал это изображение в книгах, и рассеял их по разным странам, надеясь, что, может быть, изображение попадет в руки юноши, прекрасного лицом, как ты, и он ухитрится проникнуть к ней, и, может быть, она его полюбит. А я возьму с него обещание, что, когда он ею овладеет, он покажет мне ее – хотя бы на один взгляд издали".

И когда Ибрахим ибн аль-Хасыб услышал слова старца, он опустил на некоторое время голову, размышляя, и ас-Сандалани сказал ему: "О дитя мое, я не видел в Багдаде никого лучше тебя и думаю, что, когда девушка тебя увидит, она тебя полюбит. Можешь ли ты, когда ты встретишься с нею и захватишь ее, показать ее мне хотя бы на один взгляд издали?" – "Да", сказал юноша. И Абуль-Касим молвил: "Если дело обстоит так, оставайся у меня, пока не уедешь". – "Я не могу оставаться на месте, – сказал юноша, – в моем сердце от любви к ней великий огонь". – "Потерпи, – сказал ас-Сандалани. – Я снаряжу тебе в три дня корабль, и ты поедешь на нем в Басру".

И юноша подождал, пока Абу-ль-Касим снарядил ему корабль, и положил на него все, что было нужно из еды, питья и прочего. И через три дня он сказал юноше: "Снаряжайся в путь, я приготовил тебе корабль, в котором все, что тебе нужно, и корабль принадлежит мне, а матросы – мои слуги, и на корабле всего столько, что тебе хватит, пока ты не вернешься. И я приказал матросам прислуживать тебе, пока ты благополучно не воротишься".

И юноша поднялся, и пошел на корабль, и, простившись с Абу-ль-Касимом, ехал, пока не достиг Басры.

И тогда он вынул сто динаров для матросов, но они сказали ему: "Мы получили плату от нашего господина".

"Возьмите это в награду, и я не скажу ему", – сказал юноша. И матросы взяли у него деньги и пожелали ему блага.

А затем юноша вступил в Басру и спросил, где место жительства купцов, и ему сказали: "В хане, называемом хан Хамдана". И юноша шел, пока не дошел до рынка, в котором был этот хан, и все глаза повернулись, смотря на него из-за его великой красоты и прелести. И юноша вошел в хан с одним из матросов и спросил, где привратник, и когда ему указали, где он, юноша увидел, что это – старый, почтенный старик. И Ибрахим приветствовал его, и привратник возвратил ему приветствие, и юноша спросил: "О дядюшка, есть ли у тебя красивая комната?" – "Да", – ответил привратник и, взяв юношу и матроса, отпер для них красивую комнату, украшенную золотом, и сказал: "О юноша, эта комната подойдет для тебя". И юноша вынул два динара и сказал: "Возьми их в уплату за ключ". И привратник взял их и пожелал ему блага, и юноша приказал матросу идти на корабль и вошел в комнату. И привратник хана остался у него, и стал ему прислуживать, и сказал: "О господин мой, досталась нам из-за тебя радость". И юноша дал ему динар и сказал: "Принеси нам на этот динар хлеба, мяса, сладостей я вина". И привратник взял динар, сходил на рынок и вернулся, и он купил все это на десять дирхемов и отдал юноше остаток. "Трать это на себя", сказал юноша. И привратник хана обрадовался сильной радостью, а затем юноша съел из того, что он потребовал, одну лепешку и немного приправы и сказал привратнику хана: "Возьми это для тех, кто у тебя в доме". И привратник взял припасы, и ушел к своим домочадцам, и сказал им: "Я не думаю, чтобы кто-нибудь на лице земли был великодушнее этого юноши, который поселился у нас сегодня, или приятнее его. Если он у нас останется, к нам придет богатство".

И затем привратник хана вошел к Ибрахиму, и увидел, что он плачет, и сел, и принялся растирать ему ноги, и поцеловал их, и сказал: "О господин мой, почему ты плачешь, да не заставит тебя Аллах плакать?" – "О дядюшка, – сказал Ибрахим, – я хочу выпить с тобой сегодня вечером". "Слушаю и повинуюсь!" – сказал привратник. И тогда Ибрахим вынул пять динаров и сказал: "Купи нам на это плодов и вина". А затем он дал привратнику еще пять динаров и сказал: "Купи нам на это сухих плодов и цветов и пять жирных кур и принеси мне лютню".

И привратник вышел, и купил то, что он приказал, и сказал своей жене: "Приготовь кушанье и процеди нам вино, и пусть то, что ты сделаешь, будет отлично, так как этот юноша покрыл нас благодеяниями". И жена привратника сделала то, что он ей велел, хорошо до предела желаний, и привратник взял кушанье и пошел к Ибрахиму, сыну султана..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот пятьдесят пятая ночь

Когда же настала девятьсот пятьдесят пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что привратник, когда его жена приготовила кушанье и вино, взял его и вошел к сыну султана, и они стали есть, пить и веселиться. И юноша заплакал и произнес такие два стиха:

"О друг мой, когда бы жизнь я отдал в усердии,

И деньги, и весь наш мир, со всем, что найдешь в нем,

Блаженства сады, и рай со всей его прелестью за близости час – ее купило бы сердце".

И затем он вскрикнул великим криком и упал, покрытый беспамятством, и привратник хана вздохнул, и когда юноша очнулся, привратник хана спросил его: "О господин мой, отчего ты плачешь и кто та, на кого ты указываешь этими стихами? Она будет только прахом под твоими ногами". И юноша встал и, вынув узел с лучшими женскими платьями, сказал привратнику: "Возьми это для твоего гарема". И привратник взял от него узел и отдал его своей жене, и она пришла с ним, и вошла к юноше, и вдруг видит – он плачет. И она сказала ему: "Ты растерзал нам печень! Осведоми нас, какую красавицу ты хочешь, и она будет у тебя только невольницей". – "О тетушка, – сказал Ибрахим, – знай, что я сын аль-Хасыба, повелителя Египта, и я привязался к Джамиле, дочери аль-Лейса, начальника". И жена привратника хана воскликнула: "Аллах, Аллах, о брат мой, оставь эти слова, чтобы не услышал нас никто и мы бы не погибли! Нет на лице земли более жестокосердой, чем она, и никто не может назвать при ней имени мужчины, ибо у нее нет охоты до мужчин. О дитя мое, обратись от нее к другой".

И Ибрахим, услышав его слова, заплакал сильным плачем, и привратник хана сказал ему: "Нет у меня ничего, кроме моей души, и я подвергну ее опасности из любви к тебе и придумая для тебя дело, в котором будет достижение желаемого".

И потом привратник с женой вышли от него, и когда наступило утро, Ибрахим сходил в баню и надел одежду из платьев царей, и вдруг привратник хана со своей женой пришли к нему и сказали: "О господин, знай, что здесь есть один человек, портной, горбатый, и он – портной госпожи Джамилы. Пойди к нему и Расскажи ему о своем состоянии, – может быть, он укажет тебе на то, в чем будет достижение твоих желаний".

И юноша поднялся и отправился в лавку горбатого портного, и, войдя к нему, он увидел у него десять невольников, подобных лунам, и приветствовал их, и они возвратили ему приветствие, и обрадовались ему, и посадили его, смущенные его прелестями и красотой.

И когда горбун увидел Ибрахима, его разум был ошеломлен красотой его облика, и юноша сказал ему: "Хочу, чтобы ты зашил мне карман".

И портной подошел и, взяв шелковую нитку, зашил карман (а юноша порвал карман нарочно). И когда портной зашил его, Ибрахим вынул

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

пять динаров, отдал их портному я ушел в свое помещение. И портной сказал себе: "Что я сделал этому юноше, чтобы он дал мне эти пять динаров?" И он провел ночь, раздумывая о его красоте и щедрости. А когда наступило утро, Ибрахим направился в лавку горбатого портного и, войдя к нему, приветствовал его, и портной возвратил ему приветствие, и оказал ему уважение, и воскликнул: "Добро пожаловать!" И юноша сел и сказал горбуну: "О дядюшка, зашей мне карман – он еще раз распоролся". И портной ответил: "О дитя мое, на голове и на глазах", и подошел, и зашил карман. И Ибрахим дал ему десять динаров, и горбун взял их, и он был ошеломлен его красотой и щедростью.

"Клянусь Аллахом, о юноша, – сказал он, – этому твоему поступку должна быть причина; и дело тут не в том, чтобы зашить карман. Расскажи же мне истину о твоём деле, и если ты влюбился в кого–нибудь из этих мальчиков, то, клянусь Аллахом, среди них нет ни одного лучше, чем ты. Все они – прах под твоими ногами, и вот они, твои рабы, перед тобой. А если это не так, то Расскажи мне". – "О дядюшка, – сказал Ибрахим, здесь не место разговаривать, ибо мой рассказ удивителен и мое дело диковинно". – "Если дело обстоит так, – сказал портной, – пойдем со мной в уединенное место".

И затем портной встал, и, взяв Ибрахима за руку, вошел с ним в комнату внутри лавки, и сказал ему: "О юноша, рассказывай!" И Ибрахим рассказал ему о своём деле. "О юноша, – сказал он, – побойся Аллаха, думая о себе! Та, о которой ты упомянул, – жестокосердая, и у нее нет охоты до мужчин, береги же, о брат мой, свой язык, а иначе ты себя погубишь".

И когда юноша услышал эти слова, он заплакал горьким плачем и, схватившись за подол портного, воскликнул; "Защити меня, о дядюшка, я погибаю! Я оставил свое царство и царство своего отца и деда и пошел по странам одиноким чужеземцем, и нет мне терпения без нее". И портной, увидев, что постигло юношу, пожалел его и сказал: "О дитя мое, нет у меня ничего, кроме моей души, и я подвергну ее опасности из любви к тебе, так как ты поранил мое сердце. Завтра я придумаю для тебя дело, от которого твое сердце успокоится".

И Ибрахим поблагодарил его и ушел в хан. Он рассказал привратнику хана о том, что сказал ему горбун, и привратник молвил: "Он совершил с тобой благо".

И когда наступило утро, юноша надел свою самую роскошную одежду, и, взяв с собой мешок с динарами, пришел к горбуну, и поздоровался с ним, и сел, и сказал: "О дядюшка, исполни обещание". – "Поднимайся сейчас же, сказал портной, – возьми три жирных курицы, три унции сахара и два маленьких кувшина, наполни их вином и захвати кубок и положи все это в мешок. Садись после утренней молитвы в лодку с одним гребцом и скажи ему: "Я хочу, чтобы ты отвез меня под Басру". И если он тебе скажет: "Я не могу проехать больше, чем фарсах", – скажи ему: "Решение принадлежит тебе". И когда он проедет это расстояние, соблазняй его деньгами, пока он не доставит тебя до места, и когда ты достигнешь его, то первый сад, который ты увидишь, будет сад госпожи Джамилы. И когда ты увидишь его, подойди к воротам – ты увидишь две высокие ступеньки, покрытые ковром из парчи, и на них будет сидеть человек, горбатый, как я. Пожалуйся ему на свое положение и попроси его о помощи – быть может, он над тобой сжалится и приведет к тому, что ты увидишь ее, хотя бы один раз издали. Нет у меня в руках хитрости, кроме этой, и если он над тобой не сжалится, погибну и я и ты. Вот какой есть у меня план, и власть принадлежит Аллаху великому". – "Прибегаю к помощи Аллаха, что захочет Аллах, то и будет, и нет мощи и силы, кроме как у Аллаха!" – воскликнул юноша и вышел от горбатого портного и пошел в свое помещение. Он взял то, что приказал ему портной, и положил в маленький мешок, а затем, наутро, он пришел к берегу Тигра и вдруг увидел человека, гребца, который спал. И он разбудил его, и дал ему десять динаров, я сказал: "Свежи меня под Басру". И гребец молвил: "О господин мой, с условием, что я не проеду больше одного фарсаха, если я проеду на пядь дальше, погибну и я и ты". – "Решение принадлежит тебе", – оказал Ибрахим. И гребец взял его и поплыл с ним вниз, и, приблизившись к саду, он сказал: "О дитя мое, отсюда я не могу плыть дальше, и если я перейду этот предел, погибну и я и ты".

И Ибрахим вынул другие десять динаров и сказал: "Возьми эти деньги, чтобы помочь ими себе в своем положении". И гребец устыдился и сказал: "Вручаю наше дело Аллаху великому..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот пятьдесят шестая ночь

Когда же настала девятьсот пятьдесят шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда юноша дал гребцу другие десять динаров, тот взял их и сказал: "Вручаю наше дело Аллаху великому!" И поплыл с ним вниз. И когда он достиг сада, юноша встал на ноги от радости и, прыгнув из лодки прыжком, величиной с бросок копья, бросился на берег, а гребец поплыл обратно, убегая. И юноша пошел вперед и увидел сад и все, как описал ему горбун. Он увидел, что ворота его открыты и в проходе стоит ложе из слоновой кости, на котором сидит горбатый человек приятного вида, в одежде, украшенной золотом, и в руке у него серебряная позолоченная дубинка. И юноша торопливо подошел к нему и, склонившись к его рукам, поцеловал их, и горбун спросил его: "Кто ты, откуда ты пришел и кто доставил тебя сюда, о дитя мое?" (А этот человек, увидав Ибрахима ибн аль–Хасыба, был ослеплен его красотой.) И Ибрахим сказал ему: "О дядюшка, я – глупый ребенок из чужой страны", – и заплакал. И горбин пожалел его, и, посадив его на ложе, вытер ему слезы, и сказал: "С тобой не будет беды! Если ты задолжал, Аллах покроет твой долг, если ты боишься Аллах успокоит твой страх". – "О дядюшка, – сказал Ибрахим, – нет у меня страха и нет за мной долга, со мной много денег во славу Аллаха и с его помощью". – "О дитя мое, – сказал горбун, – в чем твоя нужда, из–за которой ты подверг опасности свою душу и свою красоту и пришел в место, где гибель?"

И юноша рассказал ему свою историю и изложил ему свое дело, и когда горбун услышал его слова, он опустил на некоторое время голову к земле и спросил: "Тот, кто указал тебе на меня, горбатый портной?" – "Да", – отвечал Ибрахим. И горбун сказал: "Это мой брат, и он человек благословенный. О дитя мое, – сказал он потом, – если бы любовь к тебе не сошла в мое сердце и я бы тебя не пожалел, ты бы погиб – и ты, и мой брат, и привратник хана, и его жена. Знай, – продолжал он, – что этому саду нет на лице земли подобного, и он называется Садам Жемчужины. В него не входил никто за время моей жизни, кроме султана, меня самого и его владелицы Джамилы, и я провел в нем двадцать лет и не видел, чтобы кто–нибудь приходил в это место. Каждые сорок дней госпожа приезжает сюда на лодке и выходит среди своих невольниц в шелковом покрывале, концы которого десять невольниц несут на золотых крючках, пока она не войдет, так что я никогда не видел ее облика. У меня есть только одна душа, и я подвергну ее опасности ради тебя". И юноша поцеловал ему руку, и горбун сказал: "Посиди у меня, пока я не придумаю для тебя чего–нибудь". И затем он взял юношу за руку и ввел его в сад, и когда Ибрахим увидел этот сад, он подумал, что это рай, и он увидел, что деревья в нем оплетаются, и пальмы высоки, и воды обильны, и птицы перекликаются в нем на разные голоса. А затем горбун подошел с ним к домику с куполом и сказал ему: "Вот где сидит госпожа Джамила".

И юноша посмотрел на домик и увидел, что это удивительное место увеселения, и в нем всякие изображения, нарисованные золотом и лазурью, и еще есть в нем четыре двери, к которым подымаются по пяти ступенькам. И посреди домика – водоем, к которому спускаются по золотым ступенькам, и эти ступеньки украшены дорогими металлами, а посреди водоема – золотой фонтан с фигурками, большими и маленькими, и вода выходит изо рта этих фигурок, и она шумит, издавая разные звуки, и слушающему кажется, что он в раю. И около домика водяное колесо с серебряными горшками, и оно покрыто парчой, и слева от него окно с серебряной решеткой, выходящей на зеленый луг, где резвятся всякие звери, газели, зайцы, а справа – окно, выходящее на площадку, где всевозможные птицы, и все они щебечут на разные голоса, ошеломляющие того, кто их слышит.

И когда юноша увидел это, его охватил восторг, и он сел в воротах сада, а садовник сел с ним рядом и сказал: "Как ты находишь мой сад?" "Это рай на земле", – сказал юноша. И садовник засмеялся, и затем он встал, и скрылся на некоторое время, и вернулся, неся поднос, на котором были жирные куры, прекрасная снедь и сахарные сласти. Он поставил поднос перед юношей и сказал: "Ешь, пока не насытишься".

"И я ел, – говорил Ибрахим, – пока не наелся вдоволь, и когда садовник увидел, что я поел, он обрадовался и сказал: "Клянусь Аллахом, таковы дела царей и царских сыновей! О Ибрахим, – сказал он потом, – что у тебя в этом мешке?" И я развязал перед ним мешок, и садовник сказал; "Носи его с собой, он будет тебе полезен, когда явится госпожа Джамила, когда она приедет, я не смогу принести тебе чего–нибудь поесть".

И он встал, и взял меня за руку, и привел в одно место, напротив домика Джамилы, и сделал там беседку среди деревьев, и сказал:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"Залезай сюда. Когда она придет, ты увидишь ее, а она тебя не увидит, и это самая большая хитрость, какая у меня есть, а полагаться следует на Аллаха. Когда она начнет петь, пой под ее пенье, а когда она уйдет, возвращайся благополучно туда, откуда пришел, если захочет Аллах".

И юноша поблагодарил садовника и хотел поцеловать ему руку, но садовник не дал ему. А затем юноша положил мешок в беседку, которую садовник ему сделал, и садовник сказал: "О Ибрахим, гуляй в саду и ешь в нем плоды, срок прихода твоей госпожи – завтра".

И Ибрахим стал гулять в саду и есть в нем плоды, и он провел ночь у садовника, а когда наступило утро, и засияло светом, и заблестало, Ибрахим совершил утреннюю молитву, и вдруг садовник пришел к нему с пожелтевшим лицом и сказал: "Вставай, о дитя мое, и лезь в беседку – невольницы пришли, чтобы убирать это место, и она придет после них..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот пятьдесят седьмая ночь

Когда же настала девятьсот пятьдесят седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что садовник, войдя в сад к Ибрахиму ибн альХасыбу, сказал: "Вставай, о дитя мое, и лезь в беседку – невольницы пришли убирать это место, и она придет после них. Берегись плюнуть, высморкаться или чихнуть, – мы тогда погибнем, и я и ты". И юноша встал и залез в беседку, а садовник ушел, говоря: "Да наделит тебя Аллах благополучием, о дитя мое". И когда юноша сидел, вдруг пришли пять невольниц, подобных которым никто не видел, и вошли в домик, и, сняв с себя одежду, вымыли и опрыскали его розовой водой, и потом они зажгли куренья из алоэ и амбры и разостлали парчу. А после них пришли пятьдесят невольниц с музыкальными инструментами, и Джамила шла посреди них, под красным парчовым навесом, и невольницы приподнимали полы навеса золотыми крючками, пока она не вошла в домик, и юноша не увидел даже ее облика и одежды.

"Клянусь Аллахом, – сказал он про себя, – пропал весь мой труд! Но я непременно подожду и увижу, каково будет дело". И невольницы принесли еду и питье и поели, а потом они вымыли руки и поставили Джамиле скамеечку, и она села на нее, а все невольницы ударили в музыкальные инструменты и запели волнующими голосами, которым нет подобных. И затем выступила старуха управительница и стала хлопать в ладоши и плясать, и невольницы оттащили ее, и вдруг занавеска приподнялась, и вышла Джамила, смеясь. И Ибрахим увидел ее, и на ней были украшения и одежды, и на голове ее был венец, украшенный жемчугом и драгоценными камнями, и на шее – жемчужное ожерелье, а ее стан охватывал пояс из топазовых прутьев, и шнурки на нем были из яхонта и жемчуга. И невольницы встали и поцеловали перед ней землю, а она все смеялась".

"И когда я увидел ее, – говорил Ибрахим ибн альХасыб, – я исчез из мира, и мой ум был ошеломлен, и мысли у меня смешались, так меня ослепила ее красота, которой не было на лице земли подобия. И я упал, покрытый беспамятством, а потом очнулся с плачущими глазами и произнес такие два стиха:

"Я вижу тебя, и не отвожу я взора,

Чтоб веки лик твой от меня не скрыли,

И если бы я направил к тебе все взоры,

Не мог бы объять красот я твоих глазами".

И старуха сказала невольницам: "Пусть десять из вас встанут, попляшут и споют". И Ибрахим, увидев их, сказал про себя: "Я желал бы, чтобы поплясала госпожа Джамила".

И когда окончилась пляска десяти невольниц, они подошли к Джамиле, окружили ее и сказали: "О госпожа, мы хотим, чтобы ты поплясала в этом месте и завершила бы этим нашу радость, так как мы не видели дня, приятнее этого". И Ибрахим ибн аль-Хасыб сказал про себя: "Нет сомнения открылись врата неба, и внял Аллах моей молитве!" А невольницы целовали ноги Джамилы и говорили ей: "Клянемся Аллахом, мы не видели, чтобы твоя грудь расправилась так, как в сегодняшний день". И спи до тех пор соблазняли ее, пока она не сняла верхнюю одежду и не осталась в рубахе из золотой ткани, расшитой всевозможными драгоценными камнями, и она показала соски, подобные гранатам, и открыла лицо, подобное луне в ночь полнолуния".

И Ибрахим увидел движения, каких не видал всю свою жизнь, и Джамила показала в своей пляске диковинный способ и удивительные новшества, так что заставила нас забыть о пляске пузырьков в чаше и напомнила о том, что тюрбаны на головах покосились [661]. И она была такова, как сказал о ней поэт:

Как хочешь, сотворена она, соразмерная,

По форме красы самой – не меньше и не длинней.

И, кажется, создана она из жемчужины,

И каждый из ее членов равен луне красой.

Или как сказал другой:

Плясунья! Подобен иве гнущейся стан ее,

Движенья ее мой дух едва не уносят прочь.

Не сможет стоять нога, лишь только плясать начнет

Она, словно под ногой ее – пыл души моей.

"И когда я смотрел на нее, – говорил Ибрахим, – ее взгляд вдруг упал на меня, и она меня увидела, и когда она на меня взглянула, ее лицо изменилось, и она сказала невольницам: "Пойте, пока я не приду к вам", – а затем направилась к ножу, величиной в пол-локтя, и, взяв его, пошла в мою сторону. И потом она воскликнула: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха высокого, великого!" И когда она подошла ко мне, я исчез из мира, И, увидев меня и столкнувшись со мной лицом к лицу, Джамила выронила из руки нож и воскликнула: "Хвала тому, кто вращает сердца!" И затем она сказала: "О юноша, успокой свою душу! Ты в безопасности от того, чего боишься". И я начал плакать, а она вытирала мне слезы рукой и говорила: "О юноша, расскажи мне, кто ты и что привело тебя в это место". И я поцеловал ей руку и схватился за ее подол, и она сказала: "Нет над тобой беды! Клянусь Аллахом, мой глаз не наполнится памятью о ком-нибудь, кроме тебя. Скажи мне, кто ты".

"И я рассказал ей свою историю от начала до конца, – говорил Ибрахим, – и она удивилась и сказала: "О господин мой, заклинаю тебя Аллахом, скажи мне, не Ибрахим ли ты, сын аль-Хасыба?" И он ответил: "Да". И она припала ко мне и сказала: "О господин мой, это ты сделал меня не охочей до мужчин. Когда я услышала, что в Каире находится мальчик, красивей которого нет на всей земле, я полюбила тебя по описанию, и к моему сердцу привязалась любовь к тебе из-за того, что до меня дошло о твоей ослепительной красоте, и я стала с тобой такова, как сказал поэт:

В любви перегнало ухо взоры очей моих

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Ведь ухо скорее глаз полюбит порою.

Да будет же хвала Аллаху, который показал мне твое лицо! Клянусь Аллахом, если бы это был кто–нибудь другой, я распяла бы садовника, и привратника хана, и портного, и всех, кто с ними связан".

И затем она сказала мне: "Как бы мне ухитриться, чтобы ты что–нибудь поел без ведома невольниц?" И я сказал ей: "Со мною то, что мы будем есть и пить". И я развязал перед ней мешок, я она взяла курицу и стала класть куски мне в рот, и я тоже клал ей куски в рот, и когда я увидел, что она это делает, мне показалось, что это сон. И затем я поставил вино, и мы стали пить, и при всем этом она была подле меня, а невольницы пели. И мы делали так с утра до полудня, а затем она поднялась и сказала: "Поднимайся теперь и приготовь себе корабль и жди меня в таком–то месте, пока я к тебе не приду. У меня истощилось терпение переносить разлуку с тобой". – "О госпожа, – ответил я ей, – у меня есть корабль, и он – моя собственность, и матросы наняты мной, и они меня ожидают". "Это и есть то, чего я хочу", – сказала Джамила. И затем она пошла к невольницам..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот пятьдесят восьмая ночь

Когда же настала девятьсот пятьдесят восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что госпожа Джамила пошла к невольницам и сказала им: "Поднимайтесь, мы пойдем во дворец". И они спросили: "Как же мы уйдем сейчас – ведь у нас обычай проводить здесь три дня?" – "Я чувствую на душе великую тяжесть, как будто я больна, и боюсь, что это будет для меня тягостно", – отвечала Джамила. И невольницы сказали: "Слушаем и повинемся!" И надели свои одежды, а потом они пошли к берегу и сели в лодку. И садовник подошел к Ибрахиму (а он не знал о том, что с ним случилось) и сказал: "О Ибрахим, нет тебе удачи в том, чтобы насладиться ее видом. Она обычно остается здесь три дня, и я боюсь, что она тебя увидела". – "Она меня не видела, и я не видел ее – она не выходила из домика", – сказал Ибрахим. "Твоя правда, о дитя мое, – сказал садовник. – Если бы она тебя увидела, мы бы, наверное, погибли. Но побудь у меня, пока она не придет на следующей неделе, ты ее увидишь и насмотришься на нее досыта". – "О господин мой, – сказал Ибрахим, – у меня есть деньги, и я за них боюсь. Со мной люди, и я боюсь, что они найдут мое отсутствие слишком долгим". – "О дитя мое, – сказал садовник, – мне тяжело с тобой расстаться!"

И он обнял его и простился с ним, и Ибрахим отправился в хан, в котором он стоял, и встретился с привратником хана, и взял свои деньги. И привратник хана спросил его: "Добрые вести, если хочет того Аллах?" И Ибрахим ответил ему: "Я не нашел пути к тому, что мне нужно, и хочу возвратиться к моим родным". И привратник хана заплакал, и простился с ним, и понес его вещи, и довел его до корабля, и потом Ибрахим направился к тому месту, о котором ему говорила Джамила, и стал ее там ждать.

И когда спустилась ночь, девушка вдруг подошла к нему в облике мужественного человека с круглой бородой, и ее стан был перехвачен поясом, и в одной руке у нее был лук и стрела, а в другой – обнаженный меч. "Ты ли сын аль–Хасыба, правителя Египта?" – спросила она. И Ибрахим ответил: "Это я". И она воскликнула: "Какой же ты негодяй, что пришел портить царских дочерей! Иди поговори с султаном!"

"И я упал, покрытый беспамятством, – говорил Ибрахим, – а матросы те умерли в своей коже от страха. И когда девушка увидела, что меня постигло, она сняла с себя эту бороду, бросила меч и развязала пояс, и я увидел, что это госпожа Джамила, и сказал ей: "Клянусь Аллахом, ты разрубила мне сердце!" И затем я сказал матросам: "Ускорьте ход корабля!" И они распустили паруса и ускорили ход, и прошло лишь немного дней, и мы достигли Багдада. И вдруг я увидел, что у берега стоит корабль. И когда матросы, которые были там, увидели нас, они закричали матросам, бывшим с нами: "О такой–то и такой–то, поздравляем вас с благополучием!" И они направили свой корабль к нашему кораблю, и мы посмотрели и вдруг видим в нем Абу–ль–Касим ас–Сандалани! И, увидев нас, он воскликнул: "Это то, чего я хотел. Идите под охраной Аллаха, а я хочу отправиться по одному делу". А перед ним стояла свечка, и он сказал мни: "Хвала Аллаху за благополучие! Исполнил ли ты свое дело?" И я ответил "Да". И ас–Сандалани приблизил к нам свечку, и когда Джамила увидела его, ее состояние изменилось, и цвет ее лица пожелтел, а ас–Сандалани, увидев ее, воскликнул: "Идите в безопасности, хранимые Аллахом, а я пойду в Басру по делу сутана. Но подарок следует тому, кто пришел".

И он велел принести коробку с халвой и бросил ее на корабль (а в халве был бандж), и Ибрахим сказал: "О прохлада моего глаза, поешь этого!" И Джамила заплакала и спросила: "О Ибрахим, знаешь ли, кто это?" – "Да, это такой–то", – сказал я. И Джамила молвила: "Это сын моего дяди, и он раньше сватал меня у моего отца, но я не согласилась на него, и он отправляется в Басру и, может быть, осведомит моего отца о нас". – "О госпожа, – ответил я, – он не достигнет Басры, пока мы не достигнем Мосула. И мы не знали, что скрыто для нас в неведомом". И я съел немного халвы, и не успела она опуститься мне во внутренности, как я ударился головой об землю. А когда наступило время рассвета, я чихнул, и бандж выпал у меня из ноздрей, и я открыл глаза и увидел, что я голый и брошен в пустынном месте. И я стал бить себя по лицу и сказал в душе: "Поистине, это хитрость, которую сделал со мной ас–Сандалани" И я не знал, куда пойду, и на мне были одни подштанники. И я встал, и прошел немного, и вдруг вижу, подходит вали и с ним несколько человек с мечами и дубинками. И я испугался и, увидев разрушенную баню, спрятался в ней, и я наткнулся на что–то ногой и положил на это руку, и она выпачкалась в крови. И я вытер руку о подштанники, не зная, что это такое, а затем протянул руку второй раз, и она попала на убитого, и его голова оказалась у меня в руке. И я бросил ее и воскликнул: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха высокого, великого!" А затем я вошел в одну из комнаток бани, и вдруг вали остановился у дверей бани и сказал: "Войдите в то место И затем я вскрикнул единым криком и упал без памяти, и сердце палача смягчилось ко мне, и он сказал: "Клянусь Аллахом, это не лицо того, кто убил!" – "Отрубите ему голову", – сказал вали. И меня посадили на ковер крови и завязали мне глаза повязкой, и палач взял меня, и спросил у вали разрешения, и хотел отрубить мне голову. И я закричал: "Увы мне на чужбине!" И вдруг приблизились всадники, и кто–то сказал: "Оставьте его! Убери руку, о палач!" И была этому удивительная причина и диковинное дело. А именно, аль–Хасыб, правитель Египта, послал своего придворного к халифу Харуну ар–Рашиду с подарками и редкостями и послал с ним письмо, в котором говорил: "Мой сын вот уже год, как исчез, и я слышал, что он в Багдаде, и хотел бы милости от преемника Аллаха, чтобы он расследовал, что с ним, и постарался бы его разыскать и отослал бы его ко мне с этим придворным".

И когда халиф прочитал письмо, он приказал валя узнать истину об этом деле, и вали с халифом не переставали расспрашивать об Ибрахиме, пока им не сказали, что он в Басре. И когда халифу рассказали об этом, он написал письмо и отдал его египетскому придворному и велел ему отправиться в Басру, взяв с собой отряд из приближенных везира, и от усердия в поисках сына своего господина придворный выехал тотчас же и нашел юношу на коврике крови, у вали.

И когда вали увидел придворного и узнал его, он сошел для него с коня, и придворный спросил: "Что это за юноша и каково его дело?" И вали рассказал ему, что случилось, и придворный сказал (а он не знал, что это сын султана): "Лицо этого юноши – лицо того, кто не убивает". И он велел развязать его узы, и вали развязал его, и тогда придворный сказал: "Приведи его ко мне!" И вали подвел Ибрахима к придворному, а красота Ибрахима пропала из–за тех ужасов, которые он перенес.

"Расскажи мне о твоём деле, о юноша, и о том, что у тебя произошло с этой убитой", – сказал придворный. И когда Ибрахим посмотрел на этого придворного, он узнал его и воскликнул: "Горе тебе! Или ты меня не узнаешь? Разве я не Ибрахим, сын твоего господина? Может быть, ты пришел, разыскивая меня?"

И придворный внимательно посмотрел на Ибрахима и узнал его, как нельзя лучше, и, узнав юношу, он припал к его ногам, и когда вали увидел, что произошло с придворным, у него пожелтел цвет лица. "Горе тебе, о жестокосердый, – сказал придворный, – неужели ты хотел убить сына моего господина аль–Хасыба, правителя Египта?" И вали поцеловал подол придворного и сказал: "О владыка, откуда мне было знать? Мы увидели его в таком виде и увидели рядом с ним убитую девушку". – "Горе тебе, ты не годишься для того, чтобы быть вали, – сказал придворный. – Этому мальчику пятнадцать лет жизни, и он не убил даже воробья, так как же он убьет человека? Но дал ли ты ему срок и спрашивал ли ты его об его обстоятельствах?"

И затем придворный и вали сказали: "Ищите убийцу девушки!" И люди вошли в баню еще раз, и увидели ее убийцу, и, схватив его, привели

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

его к вали.

И вали взял его, и отправился с ним во дворец халифата, и сообщил халифу о том, что случилось, и арРашид приказал убить убийцу девушки, а затем он велел привести Ибн аль-Хасыба. И когда юноша предстал перед ним, ар-Рашид улыбнулся ему в лицо и сказал: "Расскажи мне о твоём деле и о том, что с тобой случилось".

И Ибрахим рассказал ему свою историю, с начала до конца, и она показалась халифу значительной, и он позвал Масрура, меченосца, и сказал: "Ступай сию же минуту, ворвись в дом Абу-ль-Касима ас-Сандалани и приведи его вместе с девушкой".

И Масрур сейчас же отправился и, ворвавшись в дом, увидел, что девушка связана своими волосами и находится в гибельном состоянии. И Масрур развязал ее и привел вместе с ас-Сандалани к халифу, и, увидев девушку, ар-Рашид удивился ее красоте, – а затем он обернулся к ас-Сандалани и сказал: "Возьмите его, отруби ему руки, которыми он бил эту девушку, и распните его и отдайте его деньги и владения Ибрахиму".

И это сделали, и когда это было так, вдруг Абу-ль-Лейс, правитель Басры, отец госпожи Джамилы, явился, взывая к халифу о помощи против Ибрахима, сына альХасыба, правителя Египта, и жалуясь, что он взял его дочь. И ар-Рашид сказал ему: "Он был причиной ее освобождения от пыток и убиения". И халиф велел привести Ибн аль-Хасыба, и когда тот пришел, сказал Абу-ль-Лейсу: "Разве не согласен ты, чтобы этот юноша, сын султана Египта, был мужем твоей дочери?" – "Внимание и повиновение Аллаху и тебе, о повелитель правоверных!" – сказал Абу-ль-Лейс.

И халиф призвал судью и свидетелей и выдал девушку замуж за Ибрахима ибн аль-Хасыба. Он подарил ему все деньги ас-Сандалани, снарядил и отправил в его страну. И Ибрахим жил с Джамилой в совершеннейшей радости и полнейшем счастье, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний. Да будет же хвала живому, который не умирает!